

УДК 34 (091)

МЛАДШИЙ БРАТ ФАТИХА АМИРХАНА

*Ф.Н. Багаутдинов, доктор юридических наук,
член-корреспондент*

Среди репрессированных немало замечательных людей с интересной судьбой, людей талантливых, с разносторонними способностями. К таким, несомненно, относится младший брат известного татарского писателя Фатиха Амирхана – Ибрагим Зарифович Амирханов.

Обратимся к некоторым сведениям из биографии братьев Фатиха и Ибрагима Амирхановых. Они родились в Казани: Фатих – в 1886 г., Ибрагим – в 1889 г. Разница в возрасте была небольшая, всего три с небольшим года, поэтому братья росли вместе и одновременно. Их отец – известный казанский мулла Зариф Амирханов дал сыновьям достойное образование.

Фатих Амирхан рано начал писать. Он исписывал все книги волнистыми линиями. Когда книги прятали, Фатих, обмакнув палец в чернила, начал рисовать волны на лице брата Ибрагима. Говорят, что Фатих был мастером доводить до слез старшую сестру Сагадат и младшего брата Ибрагима.

Фатих и Ибрагим учились в школе, а осенью 1895 г. поступили в медресе «Мухаммадия». В медресе оба брата получили глубокое знание арабского языка. Кроме того, дома они разговаривали с отцом и матерью по-арабски. Летом 1904 г. Ибрагим и Фатих учились на курсах русского языка в Самаре.

С 1905 г. в г. Казани начинает выходить подпольная газета шакирдов «Эль-Ислах» («Реформа»). Одним из ее организаторов был Ф. Амирхан. С

1907 г. она превратилась в легальную газету, отражавшую интересы демократической молодежи. Активное участие в работе редакции принимает Фатих Амирхан, который фактически являлся редактором и основным автором газеты. На фото редакции газеты «Эль-Ислах» (1908 г.) Ибрагим Амирханов сидит рядом с Габдуллой Тукаем, который также сотрудничал с газетой.

Ибрагим Амирханов был среди тех увлеченных молодых людей, у которых в начале XX века появилась идея о постановке спектаклей на татарском языке. После обсуждений остановились на пьесе «Несчастный юноша». Ее доработали для сценической постановки – сократили некоторые части, дописали отдельные сценки. Начались репетиции, готовились декорации и костюмы. Спектакль был поставлен в декабре 1903 г. в медресе «Мухаммадия». В главной роли Закира выступил Ибрагим Амирханов. Фатих Амирхан исполнял обязанности суфлера, гримера. Зрителями спектакля были шакирды медресе. Были и другие постановки в стенах медресе, известных татарских домах. Фатих и Ибрагим Амирхановы участвовали в постановке спектаклей и играли в них в качестве артистов.

В 1905 г. Ибрагим Амирханов входил в состав комитета шакирдов «Эль-Ислах». Во время революционных событий в октябре 1905 г. народ разоружает казанскую полицию. Начинается создание народной мили-

ции. Несколько дней власть в Казани находится в ее руках. В организации и работе народной милиции участвует и Ибрагим Амирханов. Но вскоре группа шакирдов, в том числе и Ибрагим, была арестована Казанским жандармским управлением. На другой день Ибрагима освободили по ходатайству отца.

Шакирды добивались некоторых реформ в татарских школах, выдвигали определенные требования. Когда их требования не были удовлетворены, в 1906 г. Ибрагим Амирханов вместе с группой революционно мыслящих шакирдов в знак протеста покинул медресе.

Фатих Амирхан характеризует своего брата Ибрагима в молодости как беспечного, бесхарактерного, с неустойчивыми взглядами на жизнь. Одно время Ибрагим связался с молодежью, попусту растрачивающей свое время, посещал сборища с выпивкой. И родители, и Фатих переживают, уговаривают Ибрагима, ругают его. В конце концов родители решают отправить Ибрагима подальше, в Бейрут, учиться.

Таким образом, в сентябре 1908 г. Ибрагим оказался в г. Бейруте в американском колледже. Он был основан в 1866 г. и назывался «Сирийский протестантский колледж». Впоследствии (1920 г.) он стал Американским университетом Бейрута – частным, независимым светским учебным заведением. В нем преподавали многие науки: медицину, бизнес, сельское хозяйство, строительство, архитектуру и другие. Здесь Ибрагим учится до 1914 г. После возвращения в Казань он работает учителем в татарской школе.

Фатих Амирхан оказал серьезное влияние на брата Ибрагима. Он приложил немало сил, чтобы тот из легкомысленного и беспечного юноши стал серьезным человеком.

Перед революцией 1917 г. Ибрагим Амирханов служил в царской

армии в г. Свердловске в чине младшего унтер-офицера. До декабря 1917 г. он находился в национальном самоуправлении в г. Саратове, а также в мусульманском военном комитете. В феврале 1918 г. стал членом партии большевиков.

После освобождения Казани от белочехов Ибрагим Амирханов работает народным судьей, является помощником председателя Совета народных судей. В 1919 г. его назначают заведующим отделом по делам национальностей при Казанском губисполкоме. В 1920 г. Ибрагим добровольно ушел на фронт, участвовал во взятии Крыма в качестве помощника начальника политотдела Казанской стрелковой дивизии. В Крыму его избрали членом революционного комитета Симферополя, поручили руководство отделом народного просвещения. Одновременно Ибрагим был членом мусульманского бюро при Крымском областном комитете партии. Вместе с ним в Крыму находилась и супруга Нафиса.

После возвращения из Красной Армии в 1923 г. начинается работа И. Амирханова в органах юстиции – он назначается членом Верховного трибунала. Затем следует работа в областном суде – членом Президиума, заместителем председателя (1923–1924 гг.).

Ибрагим Амирханов считается одним из первых татарских дипломатических работников. В 1924–1926 гг. он работает в консульстве СССР в Саудовской Аравии. Генеральным консулом СССР в этой стране тогда являлся опытный дипломат К.А.Хакимов. В Аравии Ибрагиму особенногодились знания английского, арабского, турецкого языков, которыми он овладел во время учебы в Бейруте. В посольстве Ибрагим выполнял обязанности переводчика, а также все другие поручения.

После Аравии он некоторое время работает в Ташкенте – помощник

ком управляющего сельхозбанком. В 1928 г. И.Амирханов возвращается в Наркомюст Татарской республики и работает членом Главного суда. В 1930–1931 гг. он помощник прокурора Татарской республики. Затем Амирханов снова работает членом Главного суда (1931–1933 гг.) и позже – старшим помощником прокурора Татарской республики.

Обратимся к материалам архивного уголовного дела. И. Амирханов был арестован 23 декабря 1937 г. На тот момент он работал юрисконсультом фанерного завода № 10 г. Зеленодольска. В этот же день проводится обыск в его квартире 6 по улице Баумана, дом 54. Ничего существенного при обыске не было изъято.

В уголовном деле перечислены следующие «преступления» Ибрагима Амирханова:

- проводил шпионскую деятельность в пользу Японии;
- участвовал в антисоветской националистической Идель-Уральской организации;
- являлся секретным агентом бывшего Казанского губернского жандармского управления;
- оказывал помощь белочехам во время оккупации ими Казани в 1918 г.

На первом допросе 23 декабря 1937 г. следователь обвинил И. Амирханова в том, что он в 1918 г., являясь начальником «железной дружины», арестовал рабочих Зайнуллина и Хабибуллина и направил их в контрразведку белочехов. Следователь также утверждал, что при вступлении в партию в 1918 г. Амирханов скрыл свое социальное происхождение. Арестованный отвечал на эти вопросы-утверждения отрицательно.

На первом же допросе следователь задал Ибрагиму вопрос: «Писатель Фатих Амирханов — это Ваш брат?». Ибрагим отвечал утвердительно. Для чего, в какой связи, из каких соображений был задан этот вопрос — непо-

нятно. Других вопросов, упоминаний о Фатихе Амирхане в уголовном деле нет.

В материалах уголовного дела упоминается еще один представитель Амирхановых – Гумер Амирханов, двоюродный брат Фатиха и Ибрагима Амирхановых. Его называют не иначе как белым офицером. Еще 1 сентября 1920 г. красноармейца строевого отдела ПриВО Гумера Назиповича Амирханова, 1899 г. р., арестовали. Приговор был характерным для того времени – заключить в концлагерь на время гражданской войны. 27 ноября 1920 г. Г.А. Амирханову определили срок – 5 лет концлагерей. Он находился в лагере трудовой повинности.

28 февраля 1938 г. И. Амирханов обращается к наркому НКВД ТАССР с заявлением о желании дать «чистосердечное признание» о своей шпионской и контрреволюционной деятельности. Этот основной протокол допроса – с полным признанием вины – датирован 21 марта 1938 г. Вполне очевидно, что этот протокол готовился длительное время, ибо содержит много информации. В нем И.Амирханов признается во всем, и в первую очередь в шпионской связи с Абдуллой Газизовым. В 1908–1913 гг. Амирханов и Газизов учились вместе в Американском колледже в Бейруте. Затем они переписывались. Газизов присылал письма из Харбина. Амирханов тоже писал товарищу. Письма обычно отправлялись оказией – через кого-либо. В частности, И. Амирханов передавал письма через Алмаева Яхью, который ездил в Харбин. Вскоре Газизов приехал во Владивосток, где начал работать учителем татарского языка при Управлении Владивостокского морского пароходства. Газизов был женат на дочери известного троцкого купца Яушева.

В 1934 г., со слов Амирханова, Газизов приезжал в Казань – за татарской литературой. Газизов заходил

на работу к Амирханову – в Главный суд, он пригласил его домой на чай. Дома Газизов открылся перед И.Амирхановым как эмиссар Харбинской Идель-Уральской общины и японский шпион. Как записано в протоколе со слов И.Амирханова: «Мы признались в откровенной беседе в своей враждебности к советскому строю и высказались о необходимости борьбы с советской властью».

Газизов якобы подробно рассказал о созданной в Харбине Идель-Уральской общине, которая по существу составляла татарский белоэмигрантский штаб. Руководил организацией Гаяз Исхаков. В Харбине издавалась и националистическая газета. Г. Исхаков, со слов Газизова, создал стройную систему Идель-Уральских комитетов борьбы против СССР. Работа велась среди татар-эмигрантов Японии, Китая.

По словам Газизова, в 1927 г. он приехал из Харбина во Владивосток вместе с шпионско-диверсионной группой. Членам группы удалось получить разрешение на въезд в СССР под предлогом возвращения на родину из-за притеснения харбинских властей.

Задачами Идель-Уральской организации были определены:

- переброска в СССР специальных групп;
- организация специальных отрядов для нападения на СССР;
- высылка в СССР эмиссаров;
- воспитание татар в антисоветском духе.

Для выполнения этих задач Газизов посещал национальные республики, осуществлял связь с родственниками и знакомыми белоэмигрантов, получал сведения о положении в СССР, организовывал борьбу против советской власти. Идель-Уральская организация была создана в Башкирии, в татарских районах Поволжья, Урала и Сибири.

Как показал И.Амирханов, он дал согласие Газизову на проведение шпионской деятельности в пользу Японии. Сразу же Амирханов подробно информировал Газизова о политико-экономическом состоянии Татарии, о ведущейся здесь антисоветской работе. Газизов заплатил И.Амирханову 500 рублей – за полученную информацию. Обещал оплачивать также и последующую информацию.

Газизов, с его слов, уже встречался с людьми в Казани и Уфе и успел некоторых завербовать, в частности, состоялась его встреча с Хамитом Апанаевым. Сразу отметим, что Абдулхамит Исхакович Апанаев, 1885 г.р., старший контролер завода коммунального треста г. Казани, был уже арестован и в сентябре 1937 г. расстрелян по решению тройки НКВД ТАССР.

Связь с Газизовым И.Амирханов должен был держать через Яхью Алмаева – эмиссара Харбинской Идель-Уральской организации. Впоследствии Амирханов передавал информацию Алмаеву – в частности, после поездки в составе бригады Татарского обкома партии по районам республики он представил обстоятельную информацию о политико-экономическом состоянии этих районов.

Далее Алмаев якобы попросил собрать информацию о числе осужденных по ТАССР за время с 1930 г., особо выделив осужденных колхозников. И.Амирханов собрал и передал необходимые сведения, получив за это 500 рублей. В дальнейшем Амирханов передавал Алмаеву сведения о партийных решениях, распоряжениях по линии суда и прокуратуры.

Обратим внимание на следующие слова И.Амирханова в протоколе допроса, написанные явно по настойчивой подсказке органов НКВД: «Я являюсь сыном известного казанского муллы, вырос в буржуазно-националистическом окружении, воспитан в буржуазно-националистическом духе,

Октябрьскую революцию встретил враждебно».

Краткая справка – Газизов Абдулла Калимуллович, 1895 г.р., уроженец Оренбургской области, проживал во Владивостоке и работал учителем. Его арестовали за шпионаж еще 23 мая 1934 г. В ноябре 1934 г. осудили на 5 лет лагерей и отправили в Карелию. Интересно, что в своих показаниях Газизов вообще не упоминал про И. Амирханова.

Братьев Алмаевых – Яхью и Рауфа – арестовали в 1938 г. Обоих 6 ноября 1938 г. приговорили к расстрелу и расстреляли. Рауф перед арестом работал преподавателем Ключищинского сельскохозяйственного техникума в Верхнеуслонском районе. Яхья Алмаев был экономистом-статистом на нефтепромысле в Республике Коми. Именно его и признали органы НКВД как агента японской разведки.

Как и каждому арестованному, органы задавали Амирханову вопрос: а кого ты вовлек, завербовал в организацию лично? И здесь, чтобы мы ни говорили, у человека был определенный выбор. Некоторые составляли огромные списки «завербованных» ими лиц. На основании этих показаний производились новые аресты. Но некоторые поступали по-другому. В частности, И. Амирханов на допросе 21 марта 1938 г. заявил, что вовлек в Идель-Уральскую антисоветскую организацию помощника капитана Волжского пароходства «Воронеж» Хабибрахмана Рафикова. Тот был сыном учителя русско-татарской школы в слободе Габдрахмана Рафикова. Фатих Амирхан поддерживал очень тесные отношения с Г.Рафиковым. Фатих, Ибрагим и Гумер Амирхановы путешествовали на пароходе, помощником капитана на котором работал Хабибрахман Рафиков. «Вербовка» состоялась еще в 1929 г., когда Амирханов совершал поездку на этом теплоходе. Но, заметил Амирханов,

Рафикова уже давно арестовали и отправили в Куйбышев.

И на самом деле, Хабибрахман Абдурахманович Рафиков, 1897 г.р., уроженец г. Казани, инженер-гидротехник, был арестован раньше Амирханова — еще в апреле 1937 г. и направлен в распоряжение Управления НКВД Куйбышевской области. В январе 1940 г. его дело прекратили из-за недоказанности. То есть И. Амирханов «выдал» уже арестованного НКВД человека, и об аресте Рафикова Амирханов знал.

Также в апреле 1937 г. был арестован преподаватель русского языка в институте, на рабфаке и в школах Якуп Сулейманович Богданович, 1883 г.р., уроженец г. Гродно. Уже в ноябре 1937 г. Богдановича расстреляли в Москве. Наверное, роковую роль в его судьбе сыграло то обстоятельство, что Богданович был женат на сестре Фуада Туктарова (по официальной идеологии того времени – белоэмигранта и врага советской власти).

Когда Ибрагим Амирханов дал показания о том, что он вовлек в антисоветскую организацию Богдановича, это не могло ничем навредить последнему — его уже расстреляли.

В подобной тактике, безусловно, следует усматривать как ум и рассудительность И. Амирханова, так и порядочность, благородство, стремление не навредить другим.

Итак, кого бы ни назвал И. Амирханов, он уже был арестован ранее, либо осужден, и даже расстрелян. Он не назвал никого из тех, кто еще оставался на свободе. Ибрагим Амирханов своими показаниями не причинил никому вреда. Это достойно уважения.

Следователь задает очередной вопрос: «Работая членом Главного суда и помощником прокурора, Вы покровительствовали врагам народа». Скорее, это даже не вопрос, а прямое утверждение, на которое Амирханов отвечает отрицательно.

Между тем в уголовном деле нет никаких фактов о контрреволюционной деятельности И. Амирханова в сфере юстиции. Его не обвиняют в прекращении каких-либо уголовных дел, необоснованном освобождении арестованных и т.д.

Что касается обвинения в сотрудничестве с жандармским управлением, то, со слов Ибрагима, в 1907 г. его вызвали в жандармское управление, где под угрозой ареста заставили стать информатором. Амирханов дал письменное обязательство о сотрудничестве. Завербовал его ротмистр – фамилию его Амирханов не смог вспомнить и назвать. А ведь они якобы неоднократно после этого встречались – Ибрагим и ротмистр. Ни имени, ни фамилии ротмистра – странно!

Как сообщил Амирханов, по его доносу была раскрыта нелегальная шакирдовская газета «Эль-Ислах», печатавшаяся на гектографе и помещавшаяся в одной еврейской квартире на Рыбнорядской улице. Также были арестованы и высланы на родину два студента, являвшиеся организаторами кружка по изучению и внедрению новой методики в татарской школе и распространявшие революционные идеи (фамилий студентов в протоколе нет). Якобы за эти сообщения Ибрагим получал от жандармского управления от 5 до 15 рублей в месяц, в зависимости от ценности доноса. Такое секретное сотрудничество имело место в 1907–1908 гг. – до отъезда Амирханова в Бейрут. После возвращения из Бейрута связи с жандармским управлением не имел.

Признания Ибрагима Амирханова в сотрудничестве с Казанским жандармским управлением не выдерживают никакой критики. Никто проверкой этих фактов не занимался. А ведь времени прошло немного, архивы жандармского управления были доступны. При желании доказать или

опровергнуть указанные факты не составляло никакого труда.

Тем более раскрытия, закрытия шакирдовской газеты «Эль-Ислах» в 1907–1908 гг. не было. Да и как мог Ибрагим Амирханов выдать газету, которую выпускал его старший брат Фатих? На момент отъезда Ибрагима Амирханова в Бейрут газета издавалась. 68-й номер газеты стал последним из-за преследований цензуры и нехватки средств, но случилось это в 1909 г.

Конечно, при желании следствие могло бы и расширяться, пойти еще дальше. В частности, следователь задавал Ибрагиму Амирханову вопрос о его работе в Аравии – переводчиком в полномочном посольстве СССР (1924–1926 гг.), требовал сообщить о проведенной в посольстве контрреволюционной работе. Ибрагим ответил отрицательно. Но следователь пообещал (и записал в протокол) – «Вам придется рассказать об антисоветской деятельности в советском посольстве в Аравии...», и что об этом речь пойдет на следующем допросе.

Однако протокола допроса об этом в уголовном деле нет. Возможно, что следователь решил не утруждать себя поиском новых обвинений. Ведь Амирханов уже признался в том, что он шпион и секретный жандармский агент. Этого было вполне достаточно для расстрела.

Перейдем к следующему обвинению – содействие белочехам. Когда Амирханов работал в Главном суде, его сняли с работы и исключили из партии за содействие белочехам в Казани в 1918 г. Потом Амирханов был принят на работу в прокуратуру республики. Как рассказывал на партийном собрании один из прокурорских работников, сам участвовавший в боях с белочехами, Амирханов до чехословаков был судьей. Он – сын крупного казанского муллы, участник Забулачного контрреволюционного

правительства и один из командиров вооруженного отряда. При наступлении чехов остался в Казани и был председателем уличного комитета, мобилизовывал для чехов жителей города Казани. Когда об этом было высказано товарищами, частично в этом признался и сам Амирханов. Его исключили из партии.

Ибрагим Амирханов в анкете в уголовном деле указывает, что до прихода белочехов он был народным судьей, состоял в дружине Забулачной республики, а при чехах являлся председателем квартального комитета. Один из допрошенных по делу свидетелей показал, что Ибрагим Амирханов работал судьей как при красных, так и при чехах. Все это время суд находился в доме Казакова около озера Кабан. Вспомним в этой связи характеристику Фатихом Амирханом личности брата Ибрагима – как бесхарактерного, с неустойчивыми взглядами.

Этот же свидетель рассказал, что во время нахождения в Казани белочехов были созданы квартальные комитеты – как органы-посредники между населением и белочехами. Амирханов при белочехах был судьей, затем председателем квартального комитета в Новотатарской слободе, а также начальником так называемой «железной дружины». Дружина существовала на денежные средства крупных купцов. Квартальные комитеты должны были обеспечить мобилизацию населения в армию белочехов. Народу в армию белочехов было мобилизовано много, но большинство мобилизованных не явились и скрывались. Были случаи ареста тех, кто выступал на собраниях против мобилизации. В частности, свидетель указал на арест Зайнуллина и Хабибуллина – с участием Амирханова.

Со слов этого же свидетеля, когда в Казань вернулись красные, Ибрагим Амирханов был арестован и доставлен

в социалистический комитет. Его допрашивал комиссар Исхак Рахматуллин. Но вскоре Ибрагима отпустили.

Следует подчеркнуть, что в уголовном деле нет никаких показаний и сведений об участии Ибрагима Амирханова в каких-то карательных мероприятиях на стороне белочехов – в расстрелах, казнях, задержаниях красноармейцев или представителей революционных властей Казани.

Квартальные комитеты выполняли приказы белочехов – о мобилизации населения в армию, поставке лошадей и телег для фронта и др. Комитет под руководством Амирханова ввел ежедневное дежурство жителей Новотатарской слободы. То есть комитет обеспечивал порядок на своей территории.

Свидетель, слесарь Пишмаша Ибрагим Зайнуллин, на допросе показал, что по постановлению квартального комитета состоялось собрание жителей Новотатарской слободы. Народу на собрании было очень много. Собранием фактически руководили Зариф Амирханов (отец Ибрагима и Фатиха), мулла Садык Иманкулов и другие. В основном выступали, говорили о необходимости проведения мобилизации для армии белочехов. Ибрагим Амирханов находился возле президиума.

Зайнуллин показал, что если кто выступал против белочехов, говорил в пользу красных, их по указанию президиума хватили вооруженные люди и избивали. И. Амирханов написал постановление и отправил Зайнуллина к белочехам. Там была неразбериха и Зайнуллину удалось сбежать.

Другой арестованный, свидетель Абдулла Хабибуллин, печатник, на допросе показал, что летом 1918 г. при белочехах во дворе около мечети состоялось собрание жителей. Народу было много – около четырех тысяч. Он и Зайнуллин выступили против решения белочехов о мобилизации.

Их обоих привели в квартальный комитет, где допрос произвел лично И.Амирханов и составил протокол. Потом их отправили к белочехам. Ему удалось уйти.

Еще в сентябре 1936 г. органы НКВД провели очные ставки между И.Амирхановым и двумя рабочими, в аресте которых его обвиняли. И Хабибуллин, и Зайнуллин настаивали, что их арестовали вооруженные люди на собрании жителей, когда они выступили против призывов к мобилизации в армию белочехов. Далее их привели в квартальный комитет, и там И.Амирханов написал бумагу (по словам Зайнуллина — «крепко» написал), в которой просил военные органы белочехов принять меры. С этой бумагой, составленной Амирхановым, Зайнуллина отвели в полицейский участок.

Амирханов на очных ставках с обоими рабочими доказывал, что он лично их не арестовывал — каждого из них привел в квартальный комитет народ. Амирханов утверждал, что он отпустил Зайнуллина, и того уже арестовал народ, затем отвели в полицейский участок. Зайнуллин продолжал настаивать — его арестовал Амирханов и написал «крепко» бумагу, хотя он и просил его — не писать так «крепко».

В 1936 г. И.Амирханов приходил домой к Зайнуллину и Хабибуллину, пытался с ними объясниться, говорил, что их арестовал народ, а не он.

Таким образом, единственное реальное действие, в котором принял участие Амирханов, — это задержание, арест на собрании двух рабочих, которые были доставлены потом в распоряжение армии белочехов. И то это не повлекло для арестованных каких-либо серьезных последствий — одного отпустили, второй убежал.

Как пишет биограф Ф. Амирхана, Ибрагим Нуруллин, в конце августа 1918 г. Казань находилась во власти учредителей и чехов. Учредителю-

цы — представители новой власти, центр которой находился в Самаре, призывали граждан записываться в добровольческую белую армию. Кроме того, они объявили мобилизацию средних и младших офицеров. Ибрагим был унтер-офицером и должен был идти на регистрацию. Списки скрывающихся от мобилизации были переданы новым властям, в них был И. Амирханов. Его спасло лишь наступление Красной Армии.

Возможно, что И. Амирханов участвовал в работе квартального комитета и «железной дружины» для того, чтобы не идти по мобилизации в армию белых.

1 июля 1938 г. датирован короткий допрос И.Амирханова. Он подтверждает свои прежние показания, что являлся секретным агентом, японским шпионом и проводил антисоветскую работу в Идель-Уральской организации.

3 октября 1938 г. утверждается обвинительное заключение по делу и оно направляется для рассмотрения. Тройка НКВД ТАССР 3 ноября 1938 г. выносит приговор — расстрел, который исполняется в этот же день.

По поводу реабилитации Ибрагима обратилась Разия Абдулловна Амирханова — племянница Фатиха и Ибрагима Амирхановых, дочь их сестры Сагадат, которая воспитывалась в семье Зарифа Амирханова. В связи с рассмотрением вопроса о реабилитации И. Амирханова Комитет государственной безопасности ТАССР провел проверку, в том числе по сведениям об оказании Амирхановым помощи белочехам в Казани в 1918 г. Проверяющие пришли к выводу об отсутствии каких-либо доказательств, подтверждающих эти сведения. КГБ также не располагал сведениями о сотрудничестве И.Амирханова с Казанским жандармским управлением. Ибрагим Амирханов был реабилитирован в 1958 г.